

НИКИТА ЛИВЕСТЕИН

ВИКТОРИЯ СЕГАЛОВИЧ

ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Никита Ливестеин

Пересечения

«Автор»

2026

Ливестеин Н.

Пересечения / Н. Ливестеин — «Автор», 2026

Максим привык жить по алгоритмам. Его дни расписаны по минутам, а любые случайности воспринимаются как ошибка системы. Но однажды неверный прогноз погоды приводит его в ночную кофейню, где он знакомится с Соней — художницей, которая живет чувствами, замечает красоту в мелочах и не боится нарушать правила. То, что начинается как случайный разговор, постепенно меняет их обоих. Максим открывает мир, в котором не всё можно просчитать, а Соня понимает, что даже самый рациональный человек способен чувствовать глубже, чем кажется. Но смогут ли два человека, привыкшие видеть жизнь настолько по-разному, найти общий путь? Тёплый современный роман о любви, доверии, внутренних переменах и случайностях, которые иногда оказываются самой важной закономерностью.

© Ливестеин Н., 2026

© Автор, 2026

Никита Ливестеин

Пересечения

ГЛАВА 1. ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Монитор светился холодным синим светом. В полумраке однокомнатной квартиры на окраине Москвы этот прямоугольник экрана казался единственным живым существом — пульсирующим, дышащим, требующим внимания. Курсор мигал на строке кода с равномерностью метронома, и Максим Ларионов смотрел на него так же внимательно, как смотрел бы на человека, который вот-вот скажет что-то важное.

Было уже далеко за полночь. Точнее — 01:47, согласно системным часам в правом нижнем углу экрана. Максим никогда не смотрел на обычные часы. Зачем, если время всегда было перед глазами в цифровом формате, точное до секунды?

Ещё одна итерация — и можно лечь.

Эта мысль была ритуальной. Он думал её каждый раз, когда заходил в тупик. Потом делал ещё одну итерацию, потом ещё одну, и незаметно час превращался в два. Программирование было странной ловушкой: ты всегда находился в одном шаге от решения, а значит — в одном шаге от того, чтобы остановиться. Но этот шаг постоянно отодвигался.

Максим Ларионов жил по чёткому алгоритму. Это не было метафорой — это было буквально правдой. Он составлял расписание в специальном приложении, которое синхронизировалось с его телефоном, ноутбуком и умными часами. В 7:00 — подъём. Не 7:01, не 6:58. В семь ноль-ноль будильник играл мягкую мелодию, и Максим открывал глаза ровно за несколько секунд до неё — тело давно выучило этот ритм лучше любого приложения.

После подъёма — зарядка. Двадцать минут, строго по программе: отжимания, планка, приседания, растяжка. Он отмечал выполненные упражнения в трекере. Потом — душ (семь минут, не больше, он засекал). Потом — овсянка с ягодами. Он покупал замороженные ягоды оптом раз в две недели и расфасовывал по порциям в маленькие контейнеры. В 8:30 — дорога в офис. Он знал, что при выходе в 8:30 успевает на нужную ветку метро и приезжает на работу в 9:05, с пятиминутным запасом перед утренним стендапом.

Вечером — код, если оставались незакрытые задачи. Книги по саморазвитию: он проходил по одной в неделю, делал конспекты в отдельном блокноте. Сон — в 23:00. Никаких отклонений.

Стабильность была его щитом. Он выстраивал её годами, осознанно и методично, как строят крепостную стену — камень за камнем, слой за слоем. За этой стеной было спокойно. Предсказуемо. Безопасно.

В этот конкретный вторник стена дала небольшую трещину.

Дождь за окном усиливался с каждой минутой. Максим услышал его ещё в десять вечера — сначала лёгкое постукивание по подоконнику, потом настоящий барабанный бой. Он открыл приложение с погодой и нахмурился: прогноз обещал сухую ночь вплоть до утра. Очевидно, синоптики ошиблись. Это его раздражало — не сам дождь, а именно это несоответствие между предсказанием и реальностью.

Примерно в половине второго ночи желудок напомнил о себе. Максим встал из-за стола, прошёл на кухню и обнаружил, что холодильник пуст — если не считать початой пачки масла, двух яиц и баночки горчицы. Он планировал сходить в магазин в субботу, а сегодня был вторник. Небольшой просчёт в системе.

Зонта в квартире не нашлось — он всегда брал его заранее, опираясь на прогноз. Прогноз был неверным. Зонт остался в прихожей офиса ещё с прошлой недели — Максим вспомнил об этом, стоя в дверях и слушая, как дождь методично обрабатывает асфальт.

Он мог бы просто лечь спать голодным. Это было бы разумно. Но что-то — может быть, именно эта трещина в стене, этот небольшой сбой в системе — заставило его накинуть куртку и выйти в мокрую московскую ночь.

Круглосуточная кофейня «Уголёк» находилась в двух кварталах. Максим знал о ней, хотя никогда не заходил — она не вписывалась в его маршруты. Зато теперь он бежал к ней сквозь дождь, подняв капюшон и чертыхаясь каждый раз, когда нога попадала в лужу.

Внутри было тепло. Не просто тепло — горячо, по-домашнему, почти неприлично уютно по сравнению с мокрой улицей. Пахло корицей и свежемолотым кофе, немного — корочкой выпечки из духовки. Где-то играла джазовая музыка — не громко, почти на пороге слышимости, как звуковой фон для мыслей. За стойкой скучал бармен лет двадцати пяти с аккуратной бородкой и серьгой в ухе.

Максим заказал американо без сахара, взял сэндвич с лососем, сел у окна. Снаружи дождь рисовал на стекле сложные узоры — ручейки разбегались и сходились, создавая что-то, напоминающее схему сложного алгоритма. Или, может быть, ему просто всё казалось похожим на алгоритмы.

Он достал телефон, собираясь дочитать техническую статью, которую отложил ещё днём. Открыл. Попробовал читать.

Не читалось.

Это было странно. Максим привык к сосредоточенности — она была его профессиональным инструментом, его главной компетенцией. Но сейчас глаза скользили по строчкам, не задерживаясь, и мысли разбегались, как те капли по стеклу.

Дверь распахнулась с громким звоном — колокольчик над входом зазвонил так резко, что Максим вздрогнул. Поднял глаза.

Влетела девушка в ярко-жёлтом плаще. Не вошла — именно влетела, с такой скоростью и энергией, что казалось, ещё секунда — и она врежется в стойку. Она была полностью промокшей: жёлтый плащ потемнел от воды, с длинных тёмных волос стекали ручейки, белые кеды превратились в нечто серо-бурое. На щеке темнело пятно — не то грязь, не то размазанная тушь. В руках она сжимала большую холщовую сумку, которую прижимала к груди, как будто внутри было что-то ценное — или хрупкое.

— Уффф, — выдохнула она громко и совершенно без смущения, как будто ввалиться в полночь в кофейню насквозь промокшей было в порядке вещей. — Живая.

Бармен поднял голову. Максим тоже смотрел — он не мог не смотреть.

— Добрый вечер, — сказал бармен нейтрально.

— Это ночь, — возразила девушка, стряхивая воду с плаща прямо на пол у входа. — Добрая ночь. Хотя вряд ли. Скажите мне, что у вас есть горячий шоколад?

— Есть.

— Вы мой личный герой. — Она подошла к стойке и плюхнулась на высокий барный стул с видом человека, который только что пережил нечто выдающееся. — Большой, пожалуйста. Очень большой. С маршмеллоу, если есть. И с корицей. И вообще со всем, что у вас есть.

Бармен слегка улыбнулся и занялся заказом. Девушка поставила сумку на стул рядом и принялась пытаться собрать мокрые волосы в пучок — безуспешно: они разлетались во все стороны и не желали подчиняться.

Максим поймал себя на том, что смотрит. Это было нетипично для него — разглядывать незнакомых людей. Обычно он предпочитал не замечать окружающих, существуя в своём герметичном пузыре задач и расписаний. Но что-то в этой девушке не давало отвести взгляд.

Не красота — хотя она была хороша собой, это он отметил автоматически, как факт, без эмоциональной окраски. Скорее — энергия. Она занимала пространство не физически, а как-то иначе — своим присутствием, голосом, тем, как двигалась. Как будто вокруг неё постоянно происходило чуть больше событий, чем в остальных точках пространства.

Она оглянулась — случайно, просто осматривая помещение — и встретила с ним взглядом.

Максим не отвёл глаза. Это была ошибка — вежливо было бы немедленно сделать вид, что он смотрел куда-то мимо. Но он почему-то не сделал.

Девушка не смутилась. Напротив — она слегка прищурилась, как будто изучала его в ответ, а потом неожиданно улыбнулась — быстро и ярко, как вспышка.

— Тоже застрял из-за дождя? — спросила она.

— Что-то вроде того, — ответил Максим.

Он сам не ожидал, что ответит. Обычно он не вступал в разговоры с незнакомыми людьми в ночных кофейнях — не потому что был нелюдимым, а просто потому, что это не входило ни в одну из его систем. Незапланированные разговоры были переменной без значения: непредсказуемые по длительности, непредсказуемые по содержанию, непредсказуемые по последствиям.

— Понимаю, — кивнула девушка, разворачиваясь обратно к стойке, где бармен ставил перед ней внушительную кружку с горой маршмеллоу. — Я вообще-то должна была ещё два часа назад быть дома. Но сначала встреча затянулась, потом я пошла пешком, потому что хотела подышать воздухом, потом начался этот апокалипсис, — она махнула рукой в сторону окна, — потом я поняла, что забыла телефон у Кати, потому что он разрядился и я оставила его на зарядке, и теперь я вот здесь. Без телефона. Под дождём. Но с горячим шоколадом.

Она произнесла всё это одной длинной фразой, как будто запятые существовали исключительно для украшения, а не для дыхания.

— Хронологически насыщенный вечер, — сказал Максим.

Девушка обернулась снова и на этот раз смотрела чуть дольше, с лёгким интересом.

— Хронологически насыщенный, — повторила она. — Да, именно так. Мне нравится эта формулировка. — Она взяла кружку обеими руками, обхватила её ладонями и сделала первый осторожный глоток. Закрыла глаза на секунду. — Боже. Это лучшее, что случилось со мной сегодня.

— Низкая планка для лучшего, — заметил Максим.

— Зато планка достигнута, — парировала она и снова улыбнулась. — Я Соня, кстати.

— Максим.

— Ты программист?

Он поднял бровь.

— Почему ты так решила?

— Ноутбук в два ночи, — она кивнула на его стол, где действительно лежал закрытый ноутбук, который он взял с собой из рефлексa. — Взгляд человека, который только что долго смотрел на мелкий текст. И, — она чуть наклонила голову, — «хронологически насыщенный». Программисты любят точные формулировки.

— Справедливо, — согласился Максим. — А ты?

— Художник, — сказала Соня просто. — Иллюстратор, если точнее. Детские книги, в основном.

Что-то в этом сочетании — промокший жёлтый плащ, холщовая сумка, которую она не выпускала из рук, эта безудержная энергия, — внезапно сложилось в логичную картину. Художник. Да, это подходило.

— И что в сумке? — спросил он, кивнув на неё.

Соня просияла.

— Альбом. Я всегда ношу с собой. — Она расстегнула сумку и достала большой скетчбук в мягкой обложке — явно не новый, страницы чуть топорщились от использования. — Я рисовала сегодня в кафе, пока ждала. Потом забыла про время. Вот эта вещь, — она потрясла скетчбуком, — опаснее любого телефона. Она полностью отключает чувство времени.

— У меня противоположная проблема, — сказал Максим прежде, чем успел подумать.

Соня посмотрела на него с любопытством.

— В смысле?

— Я не могу отключить чувство времени. Оно всегда включено.

Она помолчала секунду, обдумывая это. Потом медленно кивнула, как будто ответ был интересным, а не странным.

— Это, наверное, удобно, — сказала она. — И одновременно — очень утомительно.

Максим не ответил. Потому что она была права, и эта правота застала его врасплох — с такой точностью, с первого слова, от совершенно незнакомого человека.

За окном дождь немного утих — из барабанного боя превратился в равномерное монотонное шуршание. Джаз на фоне сменился чем-то более медленным, почти колыбельным. Бармен протирал стаканы с видом человека, который давно примирился с ночными сменами и даже нашёл в них свою философию.

— Можно посмотреть? — спросил Максим и кивнул на скетчбук.

Соня чуть удивилась — это было заметно по тому, как на долю секунды изменилось её выражение. Потом протянула альбом без колебаний.

Максим открыл.

Первая страница — набросок московского переуллка, сделанный быстрыми уверенными линиями. Дома были чуть кривыми, перспектива — намеренно искажённой, как в детских иллюстрациях. Но в этой кривизне было что-то живое, что строгая геометрия никогда не могла бы передать.

Следующий разворот — зарисовки людей в метро. Старик с газетой. Девочка лет восьми, которая, стоя между дверями, смотрела в окно с таким видом, как будто видела там не тёмный тоннель, а что-то совершенно другое. Мужчина в дорогом пальто, который спал, прислонившись к поручню, и во сне выглядел беззащитно.

Максим листал медленно. Он не был знатоком искусства — никогда особо не интересовался живописью, иллюстрацией или чем-либо подобным. Но здесь было что-то, что заставляло его задерживаться на каждой странице дольше, чем он планировал. Не техника — хотя техника была явно профессиональной. Скорее — взгляд. Способ видеть. Соня явно замечала в людях то, что большинство пропускало: мелкие жесты, случайные позы, выражения лиц в промежутке между выражениями.

— Ты смотришь на людей, — сказал он.

— Это моя работа, — ответила она.

— Нет, — покачал головой Максим, — это не работа. Это... способ существования.

Соня снова замолчала. Она держала кружку обеими руками, смотрела на него поверх маршмеллоу с выражением, которое он не мог классифицировать.

— Ты не похож на человека, который обычно говорит такие вещи, — произнесла она наконец.

— Я обычно вообще не говорю, — сказал Максим и вернул ей альбом.

Она взяла его, провела пальцем по обложке — привычным жестом, как гладят любимую вещь.

— А сейчас что-то изменилось?

Максим подумал об этом серьёзно, как думал о серьёзных вещах — без спешки.

— Синоптики ошиблись, — ответил он.

Соня засмеялась. Смех у неё был настоящим — не тем вежливым звуком, который люди издают в ответ на чужие шутки, а живым и немного неожиданным, чуть громче, чем требовала ситуация.

— Это лучшее объяснение знакомства, которое я слышала, — сказала она. — «Мы встретились, потому что синоптики ошиблись».

— Не знакомства, — поправил Максим автоматически. — Разговора.

— Пока разговора, — согласилась Соня и допила шоколад.

ГЛАВА 2. ПЕРЕМЕННЫЕ

Утром Максим проснулся в 6:58 — как обычно, за две минуты до будильника. Лежал и смотрел в потолок, пока мелодия не зазвучала и он не выключил её привычным движением.

Всё было как обычно.

Зарядка. Душ — семь минут. Овсянка с ягодами из заготовленных с вечера контейнеров. Метро в 8:30. Офис в 9:05.

Всё было как обычно — кроме того, что он думал не о том, о чём думал обычно.

Обычно утренние мысли были рабочими: он прокручивал задачи, которые предстояло решить, просматривал в уме список приоритетов, выстраивал план дня. Это было продуктивно. Это позволяло начать рабочий день без потери времени на раскачку.

Сегодня утренние мысли были другими.

«Пока разговора».

Он поймал себя на этом в душе, когда отсчитывал минуты. Потом снова — когда расфасовывал контейнеры с овсянкой. Потом — в метро, стоя в толчее утреннего часа пик. Это было нерационально. Он провёл с этой девушкой от силы сорок минут — они разговаривали, пока дождь не утих до степени, при которой можно было идти домой без риска промокнуть окончательно. Потом попрощались у выхода из «Угольков», разошлись в разные стороны. Он даже не взял её номер — потому что не подумал об этом. Или, точнее, подумал, но счёл это неуместным.

Почему неуместным? Он мысленно разобрал это, как разбирал баги в коде. Потому что было два часа ночи. Потому что они едва познакомились. Потому что он никогда не просил номера у девушек в ночных кофейнях, потому что никогда не оказывался в ночных кофейнях в такое время, потому что синоптики никогда раньше не ошибались настолько критически.

Логическая цепочка упиралась в начало.

Синоптики ошиблись.

В офисе его коллега и единственный, кого он мог назвать приятелем, — Денис Крылов — уже сидел за своим столом и ел сосиску в тесте с видом человека, который прекрасно знает, что это вредно, и совершенно не собирается что-либо с этим делать.

— О, — сказал Денис, когда Максим вошёл. — Ты выглядишь странно.

— Доброе утро, — ответил Максим.

— Нет, серьёзно. — Денис прищурился. — Ты не выспался?

— Лёг в три. Встал в семь.

— Четыре часа сна? Для тебя это катастрофа, ты же обычно восемь или смерть.

— Не катастрофа. Небольшое отклонение.

Денис откусил кусок сосиски в тесте и продолжал смотреть на него с нездоровым интересом.

— Что случилось?

— Ничего не случилось.

— Макс, я работаю с тобой три года. Ты всегда выглядишь одинаково — как человек, который точно знает, что делает и зачем. Сейчас ты выглядишь как человек, который что-то потерял и не может понять, что именно.

Максим сел за свой стол, открыл ноутбук, поставил кофе.

— Я встретил интересного человека, — сказал он наконец, потому что Денис смотрел с таким выражением, что промолчать было бы труднее, чем ответить.

— Человека или девушку?

— Девушку.

Денис медленно положил остаток сосиски в тесте на стол. Это был серьёзный жест — Денис никогда добровольно не откладывал еду.

— Расскажи, — сказал он.

— Нечего рассказывать. Мы поговорили в кофейне. Она иллюстратор. У неё жёлтый плащ и скетчбук.

— Ты взял номер?

— Нет.

Денис закрыл глаза с видом человека, который просит высшие силы о терпении.

— Максим.

— Что?

— Ты понимаешь, что Москва — это двенадцать миллионов человек?

— Двенадцать и четыре.

— Двенадцать и четыре миллиона человек. И ты в два ночи случайно встречаешь девушку, с которой тебе интересно разговаривать, и не берёшь номер. Это... это тупик в коде, Макс. Ты бы не оставил так баг.

— Это не баг. Это... — Максим помолчал. — Незакрытая переменная.

— Одно и то же, — отрезал Денис. — Ты знаешь её имя?

— Соня. Иллюстратор, детские книги.

— Соня-иллюстратор-детских-книг-Москва-жёлтый-плащ. — Денис хмыкнул. — Это можно наугадить.

— Я не буду гуглить людей.

— Почему нет?

— Потому что это странно.

— А упустить человека, с которым тебе впервые за, — Денис поднял глаза к потолку, — за сколько там лет впервые было интересно поговорить? Это не странно?

Максим не ответил. Открыл задачу на день, попробовал сфокусироваться на коде.

Код не давался.

Это была вторая ночь подряд, когда система давала сбой.

Соня в это время сидела в своей мастерской — крохотной комнате в старом доме на Патриарших, которую она снимала у пожилой художницы Веры Михайловны. Мастерская была отдельной от жилья — крохотная, пять на четыре метра, с единственным большим окном на северную сторону, которое давало ровный рассеянный свет, идеальный для работы.

Вся мастерская была завалена. Столы, полки, подоконник — везде лежали листы бумаги в разной степени готовности, альбомы, тюбики акрила, баночки туши, кисти в стаканах с водой. На стене висели распечатанные референсы, вырезки из журналов, фотографии, несколько своих работ, которые ей особенно нравились. Это был хаос, в котором существовала своя, только ей понятная логика — Соня безошибочно находила любой нужный лист среди груды других.

Сейчас она сидела за основным столом с чашкой чёрного чая (кофе она не пила — слишком нервировал, говорила она) и смотрела на незаконченный разворот книги, над которой работала последние два месяца. Издательство ждало финальный вариант через три недели. У неё было ещё шесть разворотов.

Но вместо того чтобы рисовать, она думала.

Это с ней случалось. Мысли были её рабочим материалом не меньше, чем краски — она давно поняла, что лучшие идеи приходят именно в такие моменты незапланированного думанья. Так что она не гнала мысли прочь, а давала им течь, куда хотят, наблюдала за ними с профессиональным интересом наблюдателя.

Сейчас мысли текли к ночной кофейне и к человеку с ноутбуком у окна.

Максим. Программист.

Она попыталась вспомнить его точнее: высокий, темноволосый, немного сутулый той характерной сутулостью людей, которые много сидят за компьютером. Лицо — правильное, спокойное, с умными серыми глазами. Не красавец в банальном смысле, но что-то в нём цепляло — какая-то сдержанность, за которой угадывалось много.

«Я обычно вообще не говорю».

Соня улыбнулась, глядя на незаконченный разворот.

Она много общалась с людьми — по природе своей была человеком разговорчивым, открытым, умела находить общий язык быстро и без усилий. Но редко встречала людей, с которыми молчание, казалось бы, таким же уместным

ГЛАВА 3. СЛУЧАЙНОСТИ НЕ СЛУЧАЙНЫ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.